

Научная статья

УДК 81'37:003:811.511.152:008

DOI 10.25587/2782-4861-2025-1-45-58

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ФОЛЬКЛОРНО-ЯЗЫКОВЫЕ АТРИБУЦИИ МОРДОВСКОГО НАРОДА: ЛЕКСЕМА *киш*

Е. Н. Ваганова¹, В. И. Рогачев²

¹Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева,
Саранск, Россия

e-mail: waganowa@mail.ru

²Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева,
Саранск, Россия

e-mail: rogachev-v@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена одной из актуальных и перспективных тем современной лингвофольклористики и этнографии – хлебу, феномену традиционной этнической культуры. Хлеб является значимой частью пищевых традиций мордовского народа и наиболее консервативным элементом материальной культуры. Хлеб сохраняет свое непреходящее значение в обрядовой сфере мордвы, выступает неотъемлемой частью ритуала и наделяется сакральным смыслом. В традиционной пищевой картине мира мордвы хлеб – это духовное средоточие силы, которое присутствует на каждом семейном столе, обеспечивает существование родного дома и является выражением этнического самосознания. В работе реконструируется этимологическое значение и историческое развитие лексемы *киш* ‘хлеб’. В статье предпринимается попытка показать роль и место хлеба в традиционных молениях, в некоторых семейных и календарных обрядах, связанных с хлебом как важным сакральным символом и одним из самых древних архетипов в мордовской культуре. На основе семантического анализа фольклорных произведений, этнографических, архивных, полевых, лексикографических источников раскрывается самобытная традиция хлебопечения, особенности и способы выпекания обрядового хлеба, подчеркивается его связь со всеми этапами жизненного цикла – от рождения до смерти. Хлеб является важным атрибутом в самых ответственных моментах свадьбы. Актуальность исследования продиктована необходимостью установления функциональных, ценностных и мифологических признаков хлеба. Научная новизна работы заключается в попытке комплексного исследования культурного феномена *киш* ‘хлеб’ в мордовской языковой картине мира в рамках этнолингвистического и этнографического подходов. Исследование фрагмента языковой картины мира позволяет изучить слово не только как знак языка, но и как феномен национальной ментальности. Методология исследования основана на лингвокультурологическом анализе произведений народного фольклора и интерпретации этнографических, архивных, полевых данных.

Ключевые слова: мордовский язык; паремия; пословица; поговорка; загадка; гастрономия; устно-поэтический язык; фольклор; национальная картина мира; менталитет; пищевая картина мира

Для цитирования: Ваганова Е. Н., Рогачев В. И. Земледельческие фольклорно-языковые атрибуции: лексема *киш*. *Эпосоведение*. 2025;1(37):45–58. <https://orcid.org/10.25587/2782-4861-2024-1-45-58>.

Original article

Agricultural folklore-linguistic attributes of the Mordovian people: lexeme *kshy*

Elena N. Vaganova¹, Vladimir I. Rogachev²

¹N. P. Ogarev National Research Mordovia State University

e-mail: waganowa@mail.ru

²M. E. Evseviev Mordovian State Pedagogical University

e-mail: rogachev-v@bk.ru

Abstract. The article is devoted to one of the relevant and promising topics of modern linguistic folklore studies and ethnography – bread, a phenomenon of traditional ethnic culture. Bread is a significant part of the food traditions of the Mordovian people and the most conservative element of material culture. Bread retains its eternal significance in the ritual sphere of the Mordvins, acts as an integral part of the rite and is endowed with sacred meaning. In the traditional food picture of the world of the Mordvins, bread is a spiritual center of power that is present on every family table, ensures the native home existence and it is an expression of ethnic self-awareness. The paper reconstructs the etymological meaning and historical development of the lexeme *kshy* ‘bread’. The article attempts to show the role and place of bread in traditional prayers, in some family and calendar rites, with bread as an important sacral symbol and one of the most ancient archetypes in Mordovian culture. Based on the semantic analysis of folklore works, ethnographic, archival, field, lexicographic data, the original tradition of bread baking, features and methods of baking ritual bread are revealed, its connection with all stages of the life cycle – from birth to death – is emphasized. Bread is an important attribute in the most important moments of a wedding. The relevance of the study is dictated by the need to establish the functional, value and mythological attributes of bread. The scientific novelty of the work lies in the attempt of a comprehensive study of the cultural phenomenon of *kshy* ‘bread’ in the Mordovian linguistic picture of the world within the framework of ethnolinguistic and ethnographic approaches. The fragment research of the linguistic picture of the world allows us to study the word not only as a sign of language, but also as a phenomenon of national mentality. The research methodology is based on the linguocultural analysis of folklore works and the interpretation of ethnographic, archival, and field data.

Keywords: Mordovian language; paroemia; proverb; saying; riddle; gastronym; oral poetic language; folklore; national picture of the world; mentality; food picture of the world

For citation: Vaganova, E. N., Rogachev, V. I. Agricultural folklore and language attributes of the Mordovian people: lexeme *kshy*. *Epic studies*. 2025;1(37):45–58 (in Russian). <https://orcid.org/10.25587/2782-4861-2024-4-45-58>.

Введение

Мордовский народ является одним из древнейших земледельческих народов Среднего Поволжья. Мокша расселена преимущественно в западных районах, эрзя занимает восточные районы Республики Мордовия. Это два изначально близкие друг другу по языку и культуре субэтноса. Несмотря на общий лексический состав, основу которого образуют слова финно-угорского происхождения, значительное единообразие фонетической системы, имеются существенные лексическо-грамматические и фонетические отличительные особенности.

Ведущее место среди традиционных занятий занимало земледелие, которое на древней территории расселения мордвы прослеживается с I тысячелетия до н. э. Во второй половине I тысячелетия н. э. происходит не только территориальное расширение хлебопашества, но и его качественное изменение. Начинается переход к пашенному земледелию (мокша *сокамавидема* – далее сокращ. м.; эрзя *сокамо-видема* – далее сокращ. э.), которое позволило заметно повысить урожайность [1, с. 117].

Указателями на местное происхождение занятий земледелием являются названия агротехнических орудий труда, злаковых и других культур, имеющих мордовскую природу, к примеру:

э. *товзюро* ‘пшеница’, э. *товт* ‘зерно’, э. *шуж* ‘ячмень’, э. *виш* ‘полба’, э. *кснав* ‘горох’, э. *кансть* ‘конопля’. Лишь лексема *розь* – производное от русского слова *рожь* – заимствована из языка соседнего народа. Основным продуктом на крестьянском столе эрзи и мокши издревле было повседневное изделие из муки ржи, пшеницы – *киш* ‘хлеб’. Земледельческий труд как главная добродетель, культурно-хозяйственные способы возделывания земли и культивирования злаковых, взаимоотношения земли и человека экстраполировались на материальную и духовную культуру этноса. О занятиях мордвы хлебопашеством свидетельствуют названия вышивок в декоративно-прикладном искусстве: *пинеме* ‘овес’, *чиньжары ардзеле* ‘кайма подсолнуха’, *мако лопат* ‘лепестки мака’, *чеерень стручат* ‘мышинные стручки’ [2, с. 47, 59], *люкике панчф* ‘цветок гречихи’ [3, с. 29, 42–43].

Земледельческий быт мордвы детализировался и в алгоритмах резьбы на пари – сундуке для девичьего приданого, украшенном большим числом соляных символов, изображающих различные состояния солнца, его влияние и глубинную связь с земледельческими занятиями.

Мотивы, связанные со злаками, хлебом и получившие широкое распространение в языке и фольклоре, нашли отражение и в декоративно-прикладном искусстве: в ювелирных украшениях, резьбе по дереву, символике национальной вышивки.

В национальном орнаменте имеются и другие проекции земледельческой деятельности мордвы. Ромб, известный с древности как символ плодородия, позже в соответствии с изменениями хозяйственной деятельности стал выражать и крестьянскую идею земного, растительного плодородия. Отсюда трансформация, возникновение ромба с точкой – зерном в центре, «кустистость» ромба; ромб по длинной стороне оброс по углам отростками, крючками, в которых получило отражение его новая аграрная, земледельческая сущность [4, с. 40]. На земледельческую деятельность этноса указывает народная вышивка ромбами, широкой полосой покрывающая центральный шов мордовской женской рубахи *покай* от кромки подола до грудного выреза, обрамляющая грудь, ворот и рукава рубахи. Изображения засеянного поля в сочетании с ромбами – символами земледелия – обнаруживаются на затылочной части женских головных уборов *сорока*, *бабань панго*. Ромбы вышивались на набедренниках *пулокаркс*, по подолу рубахи *панар* [4, с. 98–100]. Ромбовидный узор характерен для костюма молодых девушек-крестьянок брачного возраста.

Земледельческая деятельность пронизывала и связывала воедино все элементы культуры мордвы. В фольклоре эрзи и мокши широко отразилась хлеборобская деятельность этноса. Так в песне «Анаень Сидор» передается эстетика земледельческого труда: *Вай, сиянь блидя / Багрязжонь паксясь, / Пижень сурсеме / Багрязжонь вирнесь. / Вай, нучкань парсейть сонзэ уманзо, / Вай, таргань парсейть ума межжанзо* [5, Т. 1, с. 161] – ‘Ой, (словно) серебряное блюдо, / Багрязжское поле, (словно) медный гребень, / Багрязжский лес. / Ой, загоны его (словно) вышиты шелком, / Ой, межи его – натянутый шелк’ [5, Т. 1, с. 162]. В другой песне «Паксясь паро, Бузай пакся»: *Раужо човаля модынезэ, / Нучкань парсейть сюрынензэ, / Таргань уськетъ борозданзо. / Покай таргавкт межинензэ, / Потмо рисьметъ ума пензэ* [5, Т. 1, с. 172] – ‘Земля его, (словно) черный бисер, / (Словно) шелк, его хлеба, / (Словно) натянутые проволоки, его борозды, / (Словно) узоры на покае, его межи, / (Как) нательные цепочки, края загонов’ [5, Т. 1, с. 173].

Традиционная крестьянская пища мордвы с давних пор зависела от продуктов, получаемых в собственном хозяйстве. Повседневный крестьянский стол не отличался большим разнообразием, и хлеб был основным продуктом питания. Под словом *киш* ‘хлеб’ в традиционной культуре понимается выпечка из ржаной муки, или *раужо киш* ‘черный хлеб’. Пшеничные изделия назывались *калаця* ‘калачи’, *сюкоро*, *пештине* (э.) / *копша*, *пяштения* (м.) ‘лепешки’, *пряка* (э.) / *перяка* (м.) ‘пирог’ и воспринимались как лакомство. Приведенными названиями продуктов питания не ограничивались блюда из пшеничной муки, члены данной лексической парадигмы могут быть продолжены. Хлеб выпекался в печи в каждом доме 2–3 раза в неделю. Согласно традиционным обычаям, хлеб в мордовской семье пекла свекровь до тех пор, пока имела силы.

Невестка допускалась к самостоятельной выпечке хлеба, требовавшей опыта и необходимых навыков, лишь после того, как у неё нарождались дети.

Цель работы – определить лингвокультурные характеристики гастронима *киши* ‘хлеб’ в структуре мордовского фольклора на примере самых разных жанров, на основе изучения этнографических, архивных, полевых, лексикографических источников. Актуальность исследования продиктована необходимостью установления функциональных, ценностных и мифологических признаков хлеба. Научная новизна работы заключается в попытке комплексного исследования культурного феномена *киши* ‘хлеб’ в мордовской языковой картине мира в рамках этнолингвистического и этнографического подходов. Материалы и методы: методы контекстуально-семантического, семиотического, описательного, дефиниционного и интерпретативного анализа для раскрытия своеобразия гастрономических предпочтений и ключевой символики базового гастронима *киши* ‘хлеб’ на материале фольклорных произведений с привлечением ценных и достоверных этнографических, архивных, полевых, лексикографических данных.

Семантика и символика *киши* ‘хлеб’ в мордовской традиционной культуре

Семантическое поле мордовского слова *киши* ‘хлеб’ представляет собой интересный объект исследования как с культурно-исторической, так и с языковой точки зрения, т. к. еда является важной составляющей национальной культуры. Существует мнение, что еда – это основной показатель культурной модели, выраженный на бытовом уровне [6, с. 150]. Еда представляет важный исследовательский интерес как источник изучения материальной и духовной культуры нации, хлеб является одним из основных продуктов питания и всегда присутствует в рационе человека, упоминается уже в самых ранних источниках как основа повседневного питания и ритуальное блюдо. Хлеб тесно связан с жизнью народа – носителя языка, с развитием его материальной и духовной культуры, с природными условиями его обитания, с его социальным развитием, этнической окружающей средой. О. А. Егорова подчеркивает связь пищевой картины мира с бытовыми устоями и нравами людей, с их национальными стереотипами, ценностями, с архаическими обрядами и магическими верованиями [7, с. 44]. П. А. Устинова считает, что пищевая традиция как сложная семиотическая система является мощным средством консолидации этноса [8, с. 28].

Перейдем к рассмотрению происхождения лексемы *киши* ‘хлеб’. Согласно этимологическому словарю, слово *киши* («печеный») имеет финно-волжские корни, в финском языке присутствует лексема *kupsä* со значением «спелый, зрелый; доваренный». Есть и другая точка зрения: источником заимствования послужили говоры русского языка, сравните: *книши* – *кныши* «пшеничный хлеб» [9, с. 91; 10, Т. 2, с. 125]. Подчеркивается, что слово *киши* заимствовано из индоевропейских языков, относится к числу древних заимствований [11, с. 11, 18]. Согласно официальной версии, слово хлеб пришло в славянский язык из готского языка и датируется временем великого переселения народов [6, с. 150; 12, с. 204]. В готском находим *hlaiifs*, в древнеанглийском – *hloaf*, в древнемецком – *hleib*. Первоначально германские слова обозначали формованный хлеб из кислого теста, испеченный в глиняной посуде.

В речи мордвы-мокши при приветствии употребляются следующие этикетные выражения, в которых присутствует одновременно сочетание хлеба и соли, служащие для выражения пожелания благополучия и установления доверительных отношений. Приведем пример: *Киши-сал – пара вал* ‘Хлеб-соль – доброе слово’; *Тейнтъ шумбраши – тейнек сал и киши* ‘Вам здоровье – нам хлеб да соль’ [13, с. 2]. Приведенные хлебосольные словесные формулы являются одновременно и приветствием, и благопожеланием. Лексема *киши* представлена в мордовской фразеологии м. *кишида тьяк анда* хлебом не корми; ничего не надо кому-либо (только бы иметь возможность получить, осуществить желаемое) [14, с. 91]. Данный фразеологизм является калькой из древнеславянского языка.

В мордовской земледельческой культуре отмечены системные представления о взаимосвязи явлений. Так, урожайность, плодородие полей связывались с языческим пантеоном богов

Мастыр-пазом (э.) и *Кидяем* (м.) – богом земли, а также с *Норов-авой*, являющейся в мордовской мифологии покровительницей урожая. К этому мифологическому персонажу мордовские женщины относились с особым почтением. Так, на празднике *Тейтерень пия кудо* («Дом девичьего пива») к покровительнице урожая *Норов-аве* девушки обращались с благоговением:

*Паз максозо эчке паро олгодо,
Олгонть пиряс максозо
Кувака паро колоске.
Колозонть паз максозо
Тюжа мазы зёрныне¹.*

Пусть бог подаст толстых стеблей,
На толстую солому
Длинных хороших колосьев.
В колос пусть бог подаст
Желтого добротного зерна².

Норов-ава в мордовской мифологии является покровительницей злаковых растений, урожая. Элементы архаического образа божества сохраняются в эрзянской лирической песне *Орешной колка* ‘Орешник’. Она изображается печальной, плачущей, когда ее земли некому вспахать, засеять поля, пустующие, зарастающие травой и лесом, которые некому убрать.

Орешной колка

*Вай, колка, колка, орешной колка!
Вай, колка, колка, ягодной колка!
Куваня эри орешной колка?
Мерть, косо ашти ягодной колка?
Мерть, эри а сон мазы таркасо,
Мерть, эри а сон паро таркасо.
Чачи суро пек чачи,
Раиты кильдема пек раиты.
Карксамова ледемс тикшезэ,
Раужо лёмзёр видедем модазо.
Колкат-колкат керямс поензэ,
Пижень сурсем пиямс пичензэ.
Косо аварди Мастор авазо?
Косо мелявты Мастор авазо? [15, с. 27]*

Орешник

Ой, орешник, орешник, ореховая роща!
Ой, полянка, полянка, ягодная!
Где же та ореховая роща?
Где же та полянка ягодная?
Ты ответь – она в чудесном месте,
Ты скажи – она в прекрасном месте.
Там посеянный хлеб хорошо родится.
Та и скот хорошо плодится.
Там по пояс трава для покоса,
А земля черна, как черемуха.
Там осина для рубки куда хороша,
Там лес, будто гребень густой.
Ой, где плачет Земля-матушка?
Где печалится Норов-ава? [15, с. 28]

[15, с. 27–29]

В произведении фольклора воспевается чудесное место как средоточие плодородия и жизненных сил, где все в пышном цвету, трава для покоса по пояс, густой лес, напоминающий гребень, земля, отличающаяся особыми свойствами, она черна, хлеба рождаются, скотина плодится. Но нужен хозяин, который на эту землю обратит свой взор, поработает на земле, тогда *Мастыр-паз*, *Мастор-ава* и *Норов-ава* перестают тосковать, грустить, они защищают, помогают и питают крестьянина. Образы языческих персонифицированных божеств – *Мастор-ава* и *Норов-ава* – имеют женский облик.

В мордовской языковой практике, в фольклоре нашло отражение благоговейное отношение к хлебу как к источнику жизни. В устном поэтическом творчестве мордвы встречаются пять загадок у мокши с отгадкой *киш*, и две у эрзи: *Пеельса печкса, / А вероц аш* ‘Ножом режу, / А крови нет’ [16, с. 115]. Используемый для нарезки хлеба острый предмет *пеель* ‘нож’ не оставляет следов крови. Подчеркивается значение хлеба как важной составляющей в жизнеобеспечении

¹ Здесь и далее перевод авторов статьи.

² Фольклорные материалы, собранные М. И. Чувашевым в мордовских селениях Левобережья реки Волги на 130 страницах // Рукописный фонд научно-исследовательского института гуманитарных наук, Литература – 394, л. 95.

этноса: *Лавця лангса ляпе мокорьхть, / Фалу синь тейне эрявихть* ‘На полке мягкие чурки, / Всегда в них нуждаюсь’ [16, с. 115]. Дается высшая оценка этого продукта как важного средства пропитания для человека. Ценность хлеба ощущается при его нехватке: *Ули сон – топоцьтат, / Аф ули – вачедат* ‘Есть он – сыт, / Нет его – голоден’ [16, с. 115].

Хлеб может приобретать характеристики своеобразного эталона или инструмента сравнения с различными объектами неживой природы. В мордовских загадках метафорические проекции луны чаще всего связаны с ключевым пищевым кодом – хлебом, а именно: *Лата пряска киши кочам* ‘Над крышей каравай хлеба висит’; *Лата пряска пале киши* ‘Над крышей полкаравая хлеба’; *Лата пряска пярка нюрэги* ‘Над крышей пирог висит’; *Лата пряска акша калаця* ‘Над крышей белый калач’; *Монь ули сиянь копиаше. / Ков эздонза ярхчан, / Тов целайгоды* – ‘У меня есть серебряный пирог. / Сколько бы не откусывал от него, / Он все полнее становится’ [16, с. 23]. *Киши кочам* ‘горбушка хлеба’, *пале киши* ‘полкаравая хлеба’, *пярка* ‘пирог’, *акша калаця* ‘белый калач’, *сиянь копиаше* ‘серебряный пирог’ используются в качестве метафорической номинации луны. Устно-поэтические произведения мордовского фольклора свидетельствуют о том, что у языческой мордвы луна была в числе наиболее почитаемых небесных светил, она обращалась к луне с молитвами о даровании богатого урожая и проносила в жертву пироги, мелкий домашний скот, *пуре*³ [17, с. 94–96].

В метафорической форме передается образ хлеба в эрзянской загадке – *мурь* ‘чурбак, пень’. *Каитомсо лене мурь* ‘В печке ольховые чурбаки’ [16, с. 201]. Хорошие ольховые дрова обладают приятным запахом, подобным же образом при выпечке хлеба распространяется повсюду его аромат. Более того, на срезе это дерево имеет яркий оранжевый цвет, а румяный хлеб отличается светло-золотистым или светло-коричневым цветом. Следующая загадка *Годозонзо (кизна) касан, / Пильге лангсто керясамизь, / Сайсамизь, чавсамизь, / Ичасамизь, пидесамизь* – */ Инязоронь икелев пуссамизь* – ‘За год (лето) вырасту, / С ног срежут, / Привезут, бьют, / Замесят, испекут – / На царский стол положат’ [16, с. 201] метафорически указывает на длительный и трудоемкий процесс, связанный с посевом зерна, выращиванием здоровых колошесов, сбором и сохранением урожая, молотью снопов, помолом зерна, выпечкой ароматного хлеба, прежде чем его подадут к столу. В загадке описывается по порядку последовательность действий преобразования зерна в хлеб, жизненные блага завоевываются тяжелым земледельческим трудом. Таким образом, хлеб символизирует человеческую хозяйственную деятельность, которая характеризуется усилием и трудом, направленным на достижение определенной цели [18, с. 61]. Интересным замечанием, на наш взгляд, является уподобление выпечки хлеба процессу выплавки металла и приведение в этом отношении фонетически созвучных лексем *киши* ‘хлеб’ и *киши* ‘железо’ [19, с. 313].

Представления о хлебе выкристаллизовались у мордвы в ряде пословиц и поговорок. Признается несомненная аксиологическая ценность хлеба для носителей мордовского языка. Хлеб выступает мерилем богатства, критерием ценностей в обществе. Он служит исходным концептуальным доменом, через который осмысляются явления другого порядка, например: *Кода аф эряват кишфтома-салфтома, стане аф эряват кудфтома-вастьфтома* ‘Как нельзя жить без хлеба-соли, так нельзя жить без дома’ [20, с. 69]. В них находят отражение представления об обычных и необычных явлениях и вещах, о предписаниях и нормах поведения людей: *Тунда видят – сёксенда (тялонда) пидят. Тунда а видят – сёксня а пидят* ‘Весной не посеешь – зимой не испечешь’ [20, с. 53]. Хлеб невозможно приготовить без вложения человеческого труда, а посевная начинается весной: *Тундась козя (сай) лямбе шиса, сёксесь – лама кишиса. Тундось сюнав чисэ, сёксесь – кишисэ* ‘Весна богата солнцем, осень – хлебом’ [20, с. 52]. Лето славится долгой и обилием солнца, это самая жаркая пора для крестьянина: *Кизонь ши – усф (сусек) киши* ‘Летний день воз хлеба дает’; *Кизэсь вечки сюронь кастомо, телесь – ванстомо* ‘Лето

³ Слабоалкогольный, сладкий на вкус, ритуальный напиток, вроде русской браги.

любит хлеба растить, а зима хранить'; *Пелят кизонь шида – аф ярхцат кишида. Пелят кизэнь чиде – а ярсат кишиде* 'Летних дней боишься – хлеба не наешься' [20, с. 53–55]. В пословице *Тундась мазы панчфса, сёксесь – сёронь таньфса. Тундось – цецькав, сёксесь – прякав* 'Весна красна цветами, а осень – пирогами' воспеваются красота и плодородие природы в весенний и осенний периоды. Весной природа наполняется разнообразием ярких цветов, создавая картину возрождения и обновления мира, в то время как осень ассоциируется с урожаем и сбором зерновых, что подчеркивает богатство и щедрость этого времени года. Образы весны и осени иллюстрируют цикличность и гармонию в природе. Красота весны выражается через цветы, а осени – через урожай.

В эрзянской сказке «Ведява» от хлебного запаха просыпается старик, к которому нанялся в работники парень: *Цёрась молись, таргизе кишинть каштомсто, синдесе чачк ды атянтъ пря пес путузе. Атясь сыргойсь, колмоксть киши чинедентъ кешинясь и мери: – Вот так молодец, цёрам. Мон мудрёнойдеяк-мудрёноян, а тон седеяк мудрёноят. Азё мадть чокишнес, тонеть тев а ули. Чокине сак, ве тев максан* [21, с. 37] – 'Пошел парень, вынул из печки хлеб, разломил его пополам и половину положил в изголовье старика. От хлебного запаха проснулся старик, три раза чихнул и говорит: – Вот так молодец, парень! Я мудрый, мудрый, а ты мудрее меня. Иди спи, до вечера тебе работы не будет. Вечером приходи, я тебе еще одно дело дам' [21, с. 45]. Посредником в безупречном выполнении задания выступала младшая дочь старика, она в знак благодарности за одежду согласилась верно служить молодому парню, а поручения отца были непосильны без волшебства: *Ули монь комсь десятина вирем, азё се вирентъ валскес корёном таргик, сокик, изык, видть товзюро, товзюрось кенерезз, нуик, пивсык, яжавтык, кишкс паник, каштомс кайсик, валске тарксик, синдть киши кочом и пря пезэнь путык. Киши чинедентъ мон сыргозян* [21, с. 37] – 'Есть у меня двадцать десятин лесу, ступай до утра его выкорчуй, землю вспаши, проборонуй, посей пшеницу, пшеница чтобы поспела, сожни ее, обмоласти, смели, хлеб испеки, утром вынь, отломи кусок хлеба и положи мне в изголовье, от хлебного запаха я проснусь' [21, с. 45].

Похожий мотив встречается в другой эрзянской сказке «Сураля», в которой главный герой пообещал того, о чем не подозревал. А не догадывался он о рождении сына Пандая. Настал час проводить любимого сына на служение, первым его испытанием было задание испечь *сюкоро* 'лепёшку': – *Азё ве вес се вирентъ керик, пенькатнень тарксить ды видть суро. Се сюронтъ нуик, пивсык, понжавтык, яжавтык, вачкак каштомо, почтнэнь эйстэ пидек сюкоро ды кандык понень* [21, с. 55] – 'Иди, в одну ночь выруби лес, пеньки выкорчуй и посей хлеб. Этот хлеб сожни, обмоласти, провей, смели, сложи печь. Из муки испеки лепешку и принеси ее мне, – говорит голова' [21, с. 62]. Но и здесь на помощь приходит девушка, которая успокоила парня, спать уложила, а сама вышла на крыльцо, махнула платочком, и всё исполнилось.

Хлеб – это не только символ еды и сытости, но и знак обеспеченности, он выступает символом богатства и благополучия. Об этом свидетельствует фрагмент эрзянской сказки «Красивый Дамай», в которой лукавая лиса старается войти в доверие к царю Пурьгине, нахваливает Дамая и его благосостояние: *Паксянзо нешксеть эрьва кодамо стададо, пирензэ нешксеть суродо, кудонзо нешксеть слугадо. Мазый Дамай сюнав эрьва мезде, ансяк саень поладо, пиже какадо аволь сюнав* [21, с. 157] – 'Его поля полны стадами, его ток полон хлеба, его дома полны работниками. Красивый Дамай всем богат, только не богат женой' [21, с. 160]. При внимательном изучении сказки обнаруживаются отголоски свадебного обряда, в частности сватовства.

Хлеб использовался не только как основной продукт на крестьянском столе, но и как ритуальное изделие в ходе многих календарных и семейных обрядовых действ. В процессе зимних святочных колядований в песнях-благопожеланиях отражались заботы крестьянина-земледельца о хлебе насущном: *Коляда! Чачи суро чачозо! Коляда! Мاستоронзо лазозо! Коляда! Ажияшка олгозо! Коляда! Локшо недьшка колозозо! Коляда! Ал туюжашка зёрназо. Коляда! Пеите лушка сювазо! Коляда! Тука, бабай, прякине! Коляда! Пойма паксянь, од модань,*

Коляда! Чачома иень товзюронь! Коляда! Ойсэ ваднезь улезэ, Коляда! Кентереван чудезэ! [5, Т. 2, с. 486] – ‘Коляда! Обильный хлеб чтоб уродился! Коляда! Чтоб земля расступилась! Коляда! Чтоб с оглоблю солома! Коляда! Чтоб с кнутовище колос! Коляда! Чтоб с яичный желток зерно! Коляда! Чтоб с ореховую скорлупу мякина! Коляда! Подай-ка, бабушка, пирожок! Коляда! Из зерна пойменных залежных земель! Коляда! Из урожайной пшеницы! Коляда! Чтобы помазан был маслом! Коляда! Чтобы по кузовку растекалось масло!’ [5, Т. 2, с. 488].

Хлеб был непременным атрибутом поминальной обрядности. Хлебом и солью провожали и поминали ушедших предков, с земными помыслами о хлебе насущном просили их: «Благословите нас на хорошее житье, на урожай хлеба, на размножение скота» [5, Т. 5, с. 370]. С *кши* ‘караваями’ встречали-проводжали, просили Пасху: «... уроди нам больше хлеба» [5, Т. 5, с. 371]. Во время *алашань озкс* – молениях о лошадях 18 августа эрзяне с. Кардафлей Пензенской губернии собирались праздновать всем селом, для чего брали с собой *ознома кши* ‘ситный хлеб’, в который запекались куриные яйца – символ возрождения жизни, репродуктивности и плодородия. Принесенные на *Крёлов озкс* – моление в честь покровителей лошадей Флора и Лавра – хлеба ставились в ряд на земле. Затем трое выбранных стариков [5, Т. 5, с. 373] выступают вперед и начинают молиться перед иконой на восток: *Вере-паз корьминець, Крёл-Лавер! Ваньть велинь-сядынь алашатънинь сякий душманда, апарэда! Чачеза сюра, раштаст живатат!* – ‘Вышний бог, кормилец Флор-Лавр! Сохрани лошадей от всякого зла и лиха. Пусть уродится хлеб и размножится скот’ [5, Т. 5, с. 374]. По окончании молитв выбранные старики обходили три раза вокруг поставленных хлебов, касаясь обеими руками каждого; при обходе в третий раз один из стариков, который шел впереди, брал в руки нож и чашку, из каждого хлеба вырезал по маленькому кусочку и клал в эту чашку, потом относил в сторону под кустик и там зарывал в землю [5, Т. 5, с. 374]. Моление *бабань каша*, проводимое женщинам из этого же села, тоже предполагало использование хлебов с запеченными яйцами [5, Т. 5, с. 383].

В ходе *Петрова озкса* земледельцы с. Мувале Пензенской губернии приносили каравай, от которых стряпчая отрезала краюху от каждого хлеба для пастухов, остальную часть возвращала хозяевам. Коллективный обед был кульминационным моментом этого праздника в честь апостола Петра [5, Т. 5, с. 383].

В использовании хлебов в ходе различных молений был какой-то провиденциальный характер, сакральный смысл, определяющий суть земледельческого бытия крестьян на свете. Так, мокшане с. Урюм Татарской АССР в ходе первого весеннего *кереть озкс* – моления плуга – из каждого дома приносили по караваю хлеба, которые расставлялись в ряд на траве, расстилали белую скатерть, на которую ставили хлеб-соль, один из стариков начинал молитву: *Шкай-паз, корьманей! Тряй-паз, тирянней! Тоньдетъ минь ознытама, пидинь-панинь кши марта, маряк маряк пилисыт, вант нее сельмысыт, макст тенек шаче сёра. Мезе видихть мастэр лангс, мезе зёрна ёрдайхть, макст келий коренне, эчке шужсеръне, кувака колоске, пешкее зёрнане. Макс, шкай, корьманей, вярде пиземне, лембе онфке. Минь вяштяма кувака валда ши, ознытама шаче сёрынь кис...* [5, Т. 5, с. 397]– ‘Шкай-паз кормилец, тряй-паз кормилец, тебе мы молимся с печеным хлебом, услышь твоим слышащим ухом, взгляни видящим оком твоим, дай нам урожай хлеба, что посеют в землю, какое зерно бросят – дай им широкий корешок, толстую соломушку, длинный колосок, полное зернышко. Дай, шкай кормилец, сверху дождичка, теплую росицу. Мы просим у тебя долгий светлый день, молимся за урожай хлеба...’ [5, Т. 5, с. 398]. Нельзя не верить, что в молитвах о хлебе укреплялась связь человека с природой, приходило единение, коллективизм, уходило зло, рождалось добро, формировалась глубина нравственной памяти, мир раскрывался в ипостасях вечности, в жизни и преемственности прошлых, настоящих и будущих поколений, составляющих неразрывные звенья единой цепи, называемой вечностью.

Широкое использование хлебобулочных изделий у мордвы отмечается в ходе свадебного обряда, где изделия из хлеба имели глубоко сакральный смысл, напрямую связанный с плодородием.

дием, избытком, высокой репродуктивностью женщин и многочадием. Отсюда обязательным атрибутом на всех этапах свадьбы считались *киши* ‘хлеб (каравай)’, *пьякат* ‘пирог’.

В старину и в XIX – первой четверти XX в. главным свадебным хлебом, вокруг которого развивалось магико-ритуальное, словесно-поэтическое и драматическое действо, был *лукишо* или *лувонь киши* (от морд. *лув* ‘обычай’, *киши* ‘хлеб’). Он имел круглую форму и стянут лубяным обручем, т. к. состоял из 5–12 слоев начинки. В старину пирог был олицетворением *Норов-авы* – богини полей, нив и плодородия. Этому хлебному изделию посвящались сакральные свадебно-обрядовые песни: «Каков Норов-то!.. / Двенадцать слоев толщина! / Годовалый баран внутри его, / В кольца завила шерсть его, / В браслет загнуты рога. / Трехгодовалый бык в сердце его, / В небо уперлись рога его, / Четырехлетний петух внутри: / И вечером поздно поет он, / И утром рано он вещует...»⁴. Поэтические преувеличения, гиперболизация всего того, что связано со свадебным хлебом *лукишо*, свидетельствует об исключительной значимости этого хлебобулочного изделия в ритуальном освящении свадебного обряда.

При украшении *лукишо* исполнялась песня, в которой звучали величания: *Васень слойнесь путозь / Шакома иень розь ава, / Омбоце слойнесь путозь / Питнев суро товзуро, / Колмоце слойнесь путозь маковой... / Сисемеце слойнесь путозь сырнень* – ‘Первый слой положен / Из урожайного года матушки-ржи; / Второй слой положен / Из дорогого зерна – пшеницы, / Третий слой положен маковый... / Седьмой слой положен золотой»⁵.

В песне с целью предотвращения сглаза, порчи столь значимого ритуального атрибута, как *лукишо*, основа стиха выстроена из иносказаний, гипербол и других поэтических фигур речи. К подобным поэтическим приемам часто прибегала партия жениха с целью доказать свое превосходство над стороной невесты. Перечисление слоев *лукишо*: медный, серебряный, золотой, т. е. из цветных металлов, применявшихся мордвой в ювелирном искусстве, вводится для указания на ценность этого кулинарного изделия.

Роль обрядового хлеба в мордовской свадьбе трудно переоценить. Хлеб это не только пища и угощение, но и выражение пожелания благополучия и богатства, знак брачного договора. С *киши-сал марто* ‘хлебом-солью’ направлялись сватать девушку, хлебами менялись родители жениха и невесты, с хлебом на второй день свадьбы эрзя и мокша шли на речку и приносили хлеб в жертву *Ведь-азор-аве* ‘покровительнице воды’. Первое, что помещали в ходе укладки сундука с приданым эрямо парь – это специально испеченный, намоленный каравай хлеба шумбра киши со словами: *Шумбрачи Паз максозо, шумбрасто-парсте Паз мерезэ эрямо*до. Чтобы Бог дал здоровья, чтобы Бог велел жить в добром здравье [5, Т. 5, с. 183].

Хлеб символизировал богатство и счастье будущей семьи, поэтому обязательно присутствовал в свадебной обрядности. «Ритуал от начала и до конца пронизан магическим содержанием, и в первую очередь магией плодородия», которая выступает с одной стороны «как будущая плодovitость девушки-невесты», с другой – «как плодovitость вспаханной и засеянной земли (каравай хлеба, обсыпание зерном, подстилание соломы и т. п.)» [22, с. 42]. Как мы видим, людьми земледельческой культуры «...женщина не выделяется, да и она не могла быть выделена из мира природы... она уподоблена земле, рождение ребенка уподоблено рождению нового зерна, колоса» [22, с. 42].

Особенность мордовской обрядности в том, что без речитации текста, исполнения очередных приговоров свахи, *уредева* – дружки, *урнемат* – причетов невесты нельзя было начинать следующие этапы свадьбы. Слово было пружиной, механизмом,двигающим обрядовое действо вперед. Без выпечки главного свадебного хлеба, молитв, ритуальных действий, причетов, песен,

⁴ Черновые записи Евсеева М. Е. Мордовская свадьба, записана в с. М-Кармалы на эрзя-мордовском языке // ЦГА РМ ФР–267, оп. 1, д. 31, л. 10 - 10 об. Центральный государственный архив Республики Мордовия фонд рукописный (далее сокращ. – ЦГА РМ ФР)

⁵ Черновые записи Евсеева М. Е. Мордовская свадьба записана в с. Сабаетово на эрзя-мордовском языке // ЦГА РМ ФР–267, оп. 1, д. 26, л. 28 об.

обряд терял внутреннюю цельность, осмысленность, свое предназначение. Слово придавало дух сакральности, наделяло обряд хлебопечения магической силой, что оказывало положительное воздействие на участников свадьбы.

В целом тема плодородия, аграрных культов во время печения обрядовых хлеба, пирогов занимает значительное место. Так, в величаниях *лукишо* на свадьбе поется: *Сисем сокаса сокавт, / Вейксэ изамосо изафт, / Шачема иень товзюронь, / Касыма годонь товзюронь* – ‘Семью сохами вспахана, / Девятью боронами взборонована, / Из урожайного года пшеницы, / Из плодovитого года пшеницы’⁶. В величании *лукишо* утверждаются созидательные начала крестьянской жизни, результативность труда, достаток, хлебное изобилие. Свадьба, ее тематика были тесно связаны с земледельческой жизнью, поскольку обряд направлен на создание семьи, призванной жить и кормиться трудом на земле.

Свадебный хлеб – *лукишо* древнее олицетворение, сложный по семантике символ божественной связи человека и земли – имел полисемантический магико-обрядовый смысл, выходящий за пределы свадьбы (символ плодородия, урожайности, многочадия, процветания крестьянской семьи, счастья, благоденствия молодых и т. д.). Постепенно это хлебное изделие уходит из бытования, к 50-м гг. XX в. заменяется *курником*, заимствованным у русских, у которых «его роль в свадебной обрядности, по всей вероятности, была связана с представлениями о курице как о носительнице материнского начала. Ее считали символом семьи и замужней женщины» [23, с. 147]. Украшенный зигзагами, завитками, птичками из теста верх *курника*, называемый *сюрмень*, по поверьям, заключал в себе силу хлеба, будущее плодородие. В песнях ее называют *шачи умарина* ‘плодоносящая яблоня’, *той цветка* (от морд. *той* ‘свадебный пирог’, *цветка* – ‘цветок’). После свадьбы ветку прикрепляли к изголовью молодых.

Хлеб как обрядовый предмет фигурировал на протяжении всей свадьбы. Важное значение придавалось обмену хлебами во время приезда за невестой. Родители жениха и невесты обменивались караваем, испеченными из белой муки со сдобами. Сваха привозила пирог, который клала на полку, а лепешку отдавала невесте⁷; хлебами неоднократно обменивались родня жениха и невесты, караваем благословляли невесту в родном доме, затем молодых в доме жениха. У мордвы *шумбра кши* – хлеб благополучия, *ознома кши* – молитвенный хлеб жениха после удачного проведения оставляли на столе родителей сосватанной девушки, а вместо него брали каравай из дома невесты, что символизировало родство семей. Ритуально-символическую и сакральную роль изделий из хлеба трудно переоценить.

Мордовскую свадьбу – важнейший обряд жизненного цикла, стоящий у истоков создания новой семьи, деторождения, – невозможно представить в т. ч. и без определенного числа хлебных изделий – обрядовых пирогов, каждый из которых имел свое ритуальное предназначение. Наиболее важным из всех был *лувонь кши* – *лукиш* ‘обрядовый хлеб’. Были и другие изделия – *прякат* ‘пироги’: *совамо пряка* ‘входной пирог’, *авань ловцо* ‘материнское молоко’, *атявань пола* ‘доля предков’, *той пряка* ‘выкупной пирог’, *тейтерень потть* ‘грудь молодушки’, которые становились объектами обрядовых действий, песен.

Предметно-атрибутивная часть свадьбы оформляла обряд внешне и наполняла его логикой, смыслом, философией крестьянской жизни, соединяла сотнями нитей материальную и духовную культуру воедино, была конкретным результатом материальной, аграрно-хозяйственной деятельности земледельцев.

В традиционной культуре мордвы как одного из многочисленных финно-угорских народов бытовали приметы и гадания, они были включены в систему жизнедеятельности этноса, представляя собой органический симбиоз языческого и православно-христианского земледельческого календаря. Изучению народных примет мордвы-мокши как уникального пласта

⁶ Черновые записи Евсевьева М. Е. Мордовская свадьба, записана в с. Сабаево на эрзя-мордовском языке // ЦГА РМ ФР–267, оп. 1, д. 26, л. 16.

⁷ Черновые записи Евсевьева М. Е. мордовской свадьбы в с. Табурное // ЦГА РМ ФР–267, оп. 1, д. 64, л. 12.

паремиологического фонда языка посвящено исследование Е. Н. Вагановой [24, с. 60]. Приводятся житейские или хозяйственно-бытовые приметы, среди которых немалую долю занимают приметы на урожай.

Гадания проводились с помощью самых разных религиозно-магических действий. Преобладали гадания на погоду и урожай, замужество и материальную обеспеченность, жизнь и смерть, неотъемлемым атрибутом многих гаданий был хлеб. Стремление к познанию заложено в человеке на генетическом уровне, и без него человечество не может жить полноценной жизнью. Этнографические данные саратовской мордвы убедительно свидетельствуют в пользу того, что многие из них были приурочены к одному из главных религиозных праздников – Рождеству. У саратовской мордвы сохранились интересные сведения о рождественских гаданиях. Они выходили на берег Узы, ложились возле проруби и прислушивались, если услышат молотильщиков, то это к урожайному году. Были случаи, когда ложились и на перекрестках дорог, если слышался скрип телеги со снопами, то к хорошему году. Молодежь ходила на гумно к одонью и зубами дергали соломинку. Вставляли к одонью спиной, поднимали голову и ртом вынимали колос. Если соломинка с колосом, то хлеб хороший уродится, если только одна соломинка вытаскивается, то это к неурожайному году [25, с. 106–107].

Заключение

Анализ семантики и символики, текстового функционирования лексемы *киш* ‘хлеб’ в традиционной картине мира мордовского народа, равно как и этнографических, архивных данных позволяет сделать заключение о том, что хлеб выступает не только основным и необходимым продуктом питания и основой сельскохозяйственной деятельности, что обусловлено земледельческим укладом, но и основой культуры мордовского этноса.

Представленные результаты исследования могут служить в качестве надежного, релевантного и оригинального материала для изучения традиционной пищевой картины мира мордвы, в которой хлеб выступает базовой константой, повседневной обрядовой реалией, высшей жизненной ценностью, объектом почитания и сакрализации, служит эквивалентом материальных благ.

В пищевом лингвокультурном коде мордвы *киш* ‘хлеб’ представлен как незаменимый продукт, наиболее сакральный вид пищи, символ достатка, изобилия и материального благополучия. Он получает особое аксиологическое значение, обретает обрядовый, мифологический, ритуальный, сакральный смысл и наполнен особым образно-символическим содержанием.

Особенности использования этого ритуального изделия в обрядовых действиях во многом определили его символику. Мордовский язык и фольклор, обрядовые традиции сохранили архаические представления о магической связи этапов приготовления теста, процесса выпекания обильно украшенного хлеба с благополучием будущей молодой семьи. Умение выращивать зерно, земледельческая культура послужили основой развития материальной культуры мордовского этноса.

В современной социокультурной реальности многие явления и практики культуры, к которым с полным правом можно отнести и пищевые, несмотря на свою устойчивость и жизнеспособность, подвергаются трансформациям, претерпевают рецептурные изменения и адаптируются к новым реалиям, наполняются новым ценностным содержанием, приобретают новые актуализированные значения и смыслы. Формируемая веками пищевая система мордвы сохранила своё влияние на современное повседневное и праздничное питание.

Литература

1. Балашова В.А. (ред.) *Мордва: историко-культурные очерки*. Саранск: Мордовское книжное изд-во; 1995:624.
2. Белицер В.Н. *Народная одежда мордвы*. Москва: Наука; 1973:215.

3. Heikel A.O. *Mordvalaisten Pukuja ja Kuoseja: Trachten und Muster der Mordvinen*. Helsingfors: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainon Osakeyhtiö; 1899:611. (На немецком яз.)
4. Рогачев В.И. *Семантика знаков декоративно-прикладного искусства*. Саранск: Изд-во МГПИ; 2005:147.
5. Евсеев М.Е. *Избранные труды: в 5 т.* Саранск: Мордовское книжное изд-во; Т. 1.; 1961: 384; Т. 2.; 1963:528; Т. 5.; 1966:552.
6. Забровский А.П. Хлеб как культурный феномен. В кн.: Павловская А.В., Руцинская И.И. (ред.) *Еда и культура: Материалы I Международного научно-практического симпозиума «Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира»*. Москва: Центр по изучению взаимодействия культур; 2015:149–162.
7. Егорова О.А. Гастрономические традиции в русских народных сказках: из прошлого в настоящее. *Ученые записки национального общества прикладной лингвистики*. 2021;1(33):43–52.
8. Устинова Н.А. Пищевой код как символизация пищевой традиции (на материале говоров Среднего Приобья). *Вестник Томского государственного университета*. 2010;(333):28–31.
9. Цыганкин Д.В., Мосин М.В. *Этимологиянь валкс*. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та; 2015:228. (На мокша, эрзя и ~~русе~~ яз.)
10. Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. IV. Москва: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей; 1956:683.
11. Аасмяэ Н. *Кортатано эрзякс=Поговорим по-эрзянски*. Tartu: Tartu Ülikooli; 2015:136.
12. Степанов Ю.С. *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*. Москва: Школа «Языки русской культуры»; 1997:824.
13. Волгапова А.Н., Кулакова Н.А., Рогожина В.Ф. Специфика отражения культурных ценностей в поговорах и поговорках, фразеологизмах в речи мордвы-мокши. *Огарёв-Online*. 2014;15(29):1–5.
14. Ширманкина Р.С. *Фразеологический словарь мордовских (мокша и эрзя) языков* / под общей редакцией Д. В. Цыганкина. Саранск: Мордовское книжное изд-во; 1973:222.
15. Кавтаськин Л.С. (ред.) *Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. I. Эпические и лиро-эпические песни*. Саранск: Мордовское книжное изд-во; 1963:398. (На эрзя и ~~русе~~ яз.)
16. Самородов К.Т. *Мордовские загадки*. 2-е изд. Саранск: Мордовское книжное изд-во; 1987:288. (На мокша, эрзя и ~~русе~~ яз.)
17. Ваганова Е.Н. Культ луны в религиозных верованиях мордовского народа. *Финно-угорский мир*. 2013;1(14):94–99.
18. Беллон М.А. Культура питания: особенности ценностных смыслов. *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2018;2(35):59–64.
19. Мокшин Н.Ф., Сушкова Ю.Н. Хлеб в обрядовой жизни мордвы. В кн.: Арутюнов С.А., Воронина Т.А. (ред.) *Хлеб в народной культуре. Этнографические очерки*. Москва: Наука; 2004:312–322.
20. Померанцева Э.В., Кавтаськин Л.С. (ред.) *Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 4. Кн. 1. Пословицы, присловья и поговорки*. Саранск: Мордовское книжное изд-во; 1963:375. (На мокша, эрзя и ~~русе~~ яз.)
21. Евсеев В.Я., Кавтаськин Д.С. (ред.) *Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 3. Ч. 2. Эрзянские сказки*. Саранск: Мордовское книжное изд-во; 1967:381. (На эрзя и ~~русе~~ яз.)
22. Рыбаков Б.А. *Язычество древних славян*. Москва: Наука; 1984:607.
23. Зорин Н.В. *Русская свадьба в Среднем Поволжье*. Казань: Изд-во Казанского ун-та; 1981:200.
24. Ваганова Е.Н. Фольклор мордвы-мокши: к проблеме бытования народных примет. *Финно-угорский мир*. 2013;3(16):58–66.
25. Маркелов М.Т. Саратовская мордва (этнографические материалы). В кн.: *Саратовский этнографический сборник*. Вып. 1. Саратов: Мордовское подотд. Губ. отд. по делам национальностей при Саратовском Губисполкоме; 1922:53–238.

References

1. Balashov VA. (eds.) *Mordva: historical and cultural essays*. Saransk, Mordva Book Publ. House; 1995:624 (in Russian).
2. Belitser VN. *Folk clothing of the Mordovians*. Moscow: Nauka Publ.; 1973:215 (in Russian).

3. Heikel AO. *Mordvalaisten Pukuja ja Kuoseja: Trachten und Muster der Mordvinen*. Helsingfors: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainon Osakeyhtiö; 1899:611 (in German).
4. Rogachev VI. *Semantics of signs of arts and crafts*. Saransk: MSPI Publ. House; 2005:47 (in Russian).
5. Evseev ME. *Selected works*: in 5 vols. Saransk: Mordva Book Publ. House; Vol. 1.; 1961:384; Vol. 2.; 1963:528; Vol. 5.; 1966:552 (in Russian).
6. Zabrovsky AP. Bread as a cultural phenomenon. In: Pavlovskaya AV, Rutsinskaya II. (eds.) *Food and Culture: Materials of the 1st International Scientific and Practical Symposium "Traditional Culture in the Modern World. History of Food and Nutritional Traditions of the Peoples of the World"*. Moscow: Center for the Study of Interaction of Cultures; 2015:149–162 (in Russian).
7. Egorova OA. Gastronomic traditions in Russian folk tales: from the past to the present. *Scientific notes of the National Society of Applied Linguistics*. 2021;1(33):43–52 (in Russian).
8. Ustinova NA. Food code as food tradition symbolizing. *Tomsk State University Journal*. 2010;(333):28–31 (in Russian).
9. Tsygankin DV, Mosin MV. *Etymological dictionary*. Saransk: Mordva University Publ. House; 2015:228. (in Moksha, Erzya and Russian).
10. Dal V. *The explanatory Dictionary of the living Great Russian Language*. Vol. 4. Moscow: State Publ. House of Foreign and National Dictionaries; 1956:683. (in Russian).
11. Aasmyae N. *Let's speak Erzya*. Tartu: Tartu Ülikooli; 2015:136 (in Russian).
12. Stepanov YuS. *Constants: Dictionary of Russian Culture. Research Experience*. Moscow: School "Languages of Russian Culture"; 1997:824 (in Russian).
13. Volgapova AN, Kulakova NA, Rogozhina VF. Cultural values in the proverbs, sayings and phraseological units of moksha people. *Ogarev-Online*. 2014;15(29):1–5 (in Russian).
14. Shirmankina RS. *Phraseological dictionary of Mordovian (Moksha and Erzya) languages*. Saransk: Mordva Book Publ. House; 1973:222 (in Russian).
15. Kavtashkin LS. (ed.) *Oral poetic creativity of the Mordvin people. Vol. 1. Epic and lyric-epic songs. Editor*. Saransk: Mordva Book Publ. House; 1963:398 (in Erzya and Russian).
16. Samorodov KT. (ed.) *Mordvin riddles*. 2nd ed. Saransk: Mordva Book Publ. House; 1987:288 (in Moksha, Erzya and Russian).
17. Vaganova EN. The cult of the moon in the religious beliefs of mordovian nation. *Finno-ugric world*. 2013;1(14):94–99 (in Russian).
18. Bellon MA. Culture of food: features of valuable senses. *Bulletin of Saint-Petersburg State University of Culture*. 2018;2(35):59–64 (in Russian).
19. Mokshin NF, Sushkova YuN. Bread in the ritual life of the Mordvins. In: Arutyunov SA, Voronina TA. (eds.) *Bread in folk culture. Ethnographic essays*. Moscow: Nauka Publ.; 2004:312–322 (in Russian).
20. Pomerantseva EV, Kavtashkin LV. (eds.) *Oral poetic creativity of the Mordvin people. Vol. 4. Book 1. Proverbs, sayings and sayings. Editors*. Saransk: Mordva Book Publ. House; 1963:375 (in Moksha, Erzya and Russian).
21. Evseev VYa, Kavtashkin DS (eds.) *Oral poetic creativity of the Mordvin people. Vol. 3, Part 2. Erzya tales*. Saransk: Mordva Book Publ. House; 1967:381 (in Erzya and Russian).
22. Rybakov BA. *Paganism of the ancient Slavs*. Moscow: Nauka Publ.; 1984:607 (in Russian).
23. Zorin NV. *The Russian wedding in the Middle Volga region*. Kazan; Kazan University Publ. House; 1981:200 (in Russian).
24. Vaganova EN. Folklore of Mordva-Moksha: on the problem of the existence of folk customs. *Finno-ugric world*. 2013;3(16):58–66 (in Russian).
25. Markelov MT. Mordvians of Saratov (ethnographic materials). In: *Saratov selected works on ethnography*. Iss. 1. Saratov: Mordovian subdivision of the Provincial Department for Nationalities Affairs under the Saratov Provincial Executive Committee; 1922:51–238 (in Russian).

Об авторах

Ваганова Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», ORCID: 0000-0001-8941-846X, e-mail: waganowa@mail.ru.

Рогачёв Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики обучения литературе, ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева», ORCID: 00000-0003-2830-8667, e-mail: rogachev-v@bk.ru.

About the authors

Elena N. Vaganova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Romance-Germanic Philology, N. P. Ogarev Mordovia State University, ORCID: 0000-0001-8941-846X, e-mail: waganowa@mail.ru.

Vladimir I. Rogachev, Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of Literature and Methods of Teaching Literature, M. E. Evseviev Mordovian State Pedagogical University, ORCID: 00000-0003-2830-8667, e-mail: rogachev-v@bk.ru.

Вклад авторов/Authors' contribution

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов/Conflict of interests

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no relevant conflict of interests.

Поступила в редакцию 05.11.2024 / Submitted 05.11.2024

Принята к публикации 21.12.2024 / Accepted 21.12.2024